

А. В. Шалаева
К ТОПОЛОГИИ МИФА

Взгляд этот заключает в себе такое представление, мимо которого не проходит никто, даже если никто и не останавливается на нем.

Ф. Шеллинг

In the paper the notion of “topos”, or place is outlined within the concept of myth and mythology. Whilst in the most works on mythology the “space” is taken from the point of view of the mythological consciousness within the world of mythological subject, in the article we are trying to consider “space” as the means of myth’s origin, of possibility of its origin. The points of research of the problem are represented as an introduction into the topology of myth. The introduction is given as a one into the discipline, dealing with “topos” of myth.

Ключевые слова: миф, мифология, топос, философия мифа, топология мифа

Keywords: myth, mythology, topos, philosophy of myth, topology of myth

О мифе зачастую говорят с точки зрения узко дисциплинарных исследований, с известной долей кажимости понимания и простоты заданности метода, – так, как будто уже известно, что есть миф как таковой. Сложно, болезненно говорить о самом мифе, его природе и сущности, о том, почему миф является мифом, то есть разворачивать философское вопрошание о мифе.

Философское исследование поднимается над всяким простым фактом, а в случае с мифологией – над «существованием мифологии», и ставит вопрос о природе, о сущности мифологии. В противоположность философскому вопрошанию о природе и сущности мифа, этнографическое, филологическое или историческое исследования ограничиваются тем, что констатируют данные мифологии [8, с. 163-164]. В философском измерении мифология мыслится как целое, и мы задаемся вопросом о природе этого целого, начиная при этом с отдельных представлений. Мифология являет собой некое целое, образованное сказаниями и повествованиями об истории богов. Эта история разворачивается в особом мире, ином порядке вещей, нежели исторический в обычном понимании и даже нежели человеческий. Мифологический порядок вещей, хотя и соотносится во многом с

человеческим, обуславливает его, сообщается с ним, все же сущностно от него обособлен¹.

Обращаясь к традиции исследования мифа, стоит отметить, что здесь можно найти гораздо больше конкретно-научных, узко дисциплинарных исследований, чем философских, но и в последних миф в основном рассматривается исходя из лингвистики, или этнологии, психологии или антропологии, культурологии или семиотики и т. д.

Замечательная плеяда работ о мифе за авторством Дж. Вико, Ф.В.Й. Шеллинга, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Строса, Дж. Фрейзера, Э. Кассирера, М. Элиаде, Р. Барта, К. Хюбнера, а в отечественной традиции - А.Ф. Лосева, О.М. Фрейденберг, Я.Э. Голосовкера, А.А. Потебни, Е.М. Мелетинского и др. рассматривает различные аспекты данной проблемы: от логики мифа до истины мифа. Во многих этих работах проблемы пространства и времени в мифах рассматривались по большей части с точки зрения мифологических представлений о пространстве, исходя из собственно мифологической традиции, то есть, корпуса дошедших до нас мифов. Таким образом, рассматривалось именно значение пространства и времени в самих мифах и легендах, с упором на их сакральный смысл.

В настоящей работе миф осмысливается с точки зрения его топоса, как условия его возможности, принципа образования, качественной точки сборки, определенности на основании вопроса «какой?». Мы стремимся рассмотреть пространство и место как условие появления в нем мифа или, скорее, наметить рабочее поле для этого рассмотрения.

Итак, миф есть рассказ, в котором мир освоен, где нет непонятого и необъяснимого. В сжатом виде образов и метафор в мифе собрана и представлена многотысячелетняя коллективная и безымянная традиция [4]. Миф представляет собой некое общее сакральное подразумевание, объединяющее людей в коллектив. Миф есть единство первоначального понимания о бытии, еще не выраженное в понятии, но сообразное с местом в его качественной определенности. Такое единство первоначального понимания являет себя во «внутренней речи», всегда уже изначально понятной всякому члену

¹ Далее Шеллинг развивает свою интенцию по пути философского обоснования мифологии как всеобщего явления. Это означает, что ему необходимо продемонстрировать, что тот способ, каким философия, в противоположность всем другим наукам и возможным способам сказывания, говорит о мифологии – единственно возможен. Для достижения этой цели необходимо развернуть и развить не только реально выдвинутые взгляды, но и все, какие вообще возможно выдвинуть. Такой метод есть метод восхождения от первого возможного взгляда к каждому последующему при том, что всякий раз снимая предшествующий мы, тем самым, закладываем основу последующему взгляду. Этот путь необходимо прокладывать до тех пор, пока не будет достигнут тот взгляд, для которого уже не будет последующего, каким он мог бы быть снят. Такой предельный взгляд, по мысли Шеллинга, будет не просто в возможности истинным, но явится необходимо истинным. Вводные замечания к разворачиванию этого пути восхождения философского взгляда на мифологию и составляют «Введение в философию мифологии» Шеллинга.

коллектива. «Внутренняя речь» сказывается о бытии, которое в свою очередь еще само не прояснено для мифологического сознания и не поставлено под вопрос, не возведено в философское и научное понятие [2, с. 464-468].

Эта «внутренняя речь» и первоначальное понимание о бытии возможны единственно исходя из некоего топоса - места, определенного качественно, обуславливающего единство мифической речи. Всякое тело в таком пространстве движется и занимает место сообразно своей природе, которая дается от бытия, того порядка вещей, который постигается в своих всеобщих формах. Этот иной простым фактам и данным жизни, иной истории, иной даже человеческому порядку вещей, является ядром мифологии, той формой, к которой возможно прийти, пройдя через «машину мифа» [3, с. 10-17]. По мысли М.К. Мамардашвили, которую мы поддерживаем, «... миф... есть нечто независимое от того, что он утверждает о мире» [3, с. 17]. Миф, открывая путь к другому порядку - хотя и находящемуся в многообразных отношениях с обычным порядком вещей, с человеческим существованием, но, в то же время, сущностно обособленному от него, - в сущностном отношении не совпадает с тем, что говорит о мире.

Мир мифа разворачивается всякий раз в конкретном пространстве, том или ином, но всегда в «этом вот», и как раз «это вот» пространства определяет его состав и устройство с качественной, смысловой точки зрения. Миф разворачивается исходя из того пространства, в котором он возникает. Можно вспомнить место в диалоге «Федр» Платона, где Сократ и Федр, прогуливаясь вдоль берега реки, размышляют, не послужило ли одно из прибрежных мест пространством для разворачивания одного из мифических сюжетов, связанных с кражей Орифии Бореем [5, с. 373]. Это пространство мифа – знакомое, свое, интимное находится здесь, в любой момент к нему можно обратиться, оно под рукой. Миф выстраивает для людей общую картину мира, и естественно, что ее составные элементы – это то, что составляет непосредственно подручное, окружающий мир: природа, реки, луга, лес, предметы быта.

Возьмем в качестве вводного замечания к следующему размышлению о топосе мифа цитату из К. Хюбнера:

«В качестве введения в анализ мифологического мышления целесообразно начинать не непосредственно с изучения удаленных от нас по времени мифов, но с чего-то всем хорошо знакомого, которое, однако, при более внимательном взгляде обнаруживает себя как мифическое» [7, с. 14].

От этой мысли мы и оттолкнемся, подходя к попытке определения топоса мифа. Топос, место, есть самое близкое, выступающее первым в расположении мира мифа.

Мы будем рассматривать место не тождественным с пространством в самом мифе (на предмет которого имеется ряд исследований, в том числе «Истина мифа» К. Хюбнера), но в качестве образующего принципа мифологического пространства и мифа как такового, в первую очередь наделенного качественной характеристикой.

Топология начинала свое развитие как отдел геометрии. В настоящее время топология отделилась от нее. Топология – раздел математики, который *«изучает те свойства геометрических объектов, которые сохраняются при непрерывных преобразованиях. Непрерывные преобразования характеризуются тем, что точки, расположенные “близко одна к другой” до преобразования остаются такими и после того, как преобразование закончено»* [6, с. 14].

В топологии, выделяется топологическое пространство в отличие от метрического пространства. Метрическое пространство – такое множество объектов (или точек), на котором введена метрика (то есть, заданы размеры, углы и др. свойства четырехмерного пространства-времени). Топологические пространства интуитивно можно представить себе как геометрические фигуры, чьи свойства не исчерпываются сведениями об их «метрических» свойствах, такие пространства могут состоять из элементов любой природы. «Математически это – *множества* (иногда – подмножества евклидова пространства), наделенные дополнительной структурой под названием *топология*, которая позволяет формализовать понятие непрерывности» [6, с. 15].

К топосу, месту вообще, таким образом, можно относиться с точки зрения метрики и топологии.

Метрическое восприятие пространства свойственно для так называемой научной рациональности, того распространенного Новым Временем представления о пространстве, которое большинство из нас получило еще в школе – т.е. с точки зрения измеримости. Метрический способ реконструкции пространства (количественный, для него основной вопрос – «сколько?») как раз характерен для научного или исторического исследования, когда в центр ставится описание фактов, разметка пространства, его определенность согласно составным элементам, измеренным стандартными процедурами.

Топика в восприятии пространства наделяет его силой, значимостью, изучает его качественные свойства. Топический способ говорения (качественный, для него основной вопрос – «какое?»), в противоположность метрическому, раскрывает интимное, близкое, поднимается над всяким простым фактом, а в случае с мифологией – над «существованием мифологии», и ставит вопрос о природе, о сущности мифологии.

Ни одно размышление в принципе не чуждо своему топосу, то есть тому количественно, и в особенности качественно определенному пространству, горизонту,

обуславливающему его возникновение. В этом отношении нам важна именно качественная определенность места. Обратимся к рассуждению Аристотеля о топосе, которое он приводит в томе «Физики». Не стоит здесь, конечно, говорить о том, что Аристотель непосредственно рассматривал проблему топоса мифа. Напротив, в его размышлениях еще присутствуют основы, рудименты мифологического отношения к месту, топического. Эту мифическую традицию Аристотель транслирует в своих размышлениях, которые полагают принадлежащими ему.

Итак, для рассмотрения мифа с точки зрения его топоса, возьмем за основу глубокие и сущностно напряженные размышления Аристотеля по поводу места вещи и его сущности, изложенные в четвертой книге «Физики».

Все тела неким образом расположены в пространстве, всякое занимает какое-то место, «... само же [место] кажется чем-то отличным от всего появляющегося в нем и сменяющего [друг друга]» [1, с. 123]. Понимание того, что наряду с телами есть и место, ими занимаемое и от них отличное, возможно благодаря движению тел относительно места, их перемещению, изменению границ тел. Такое отличное от тела место не просто существует, но и имеет некую силу. Направления в пространстве, а также то, каким образом мы разграничиваем пространство (верх-низ, право-лево) определяются не единственно нашим положением и углом зрения, «... но в самой природе каждое из этих направлений определено особо. А именно, верх находится не где придется, а куда устремляются огонь и легкое [тело]; равным образом не где придется находится низ, а куда [движутся тела] тяжелые и землистые, как если бы эти [места] различались не положением только, но и силой» [1, с. 124]. Занимая место и сменяя его, тело движется в соответствии с собственной природой; само место обладает силой, организуя определенным образом, или дезорганизуя находящееся в нем тело. Такое напряженное собственной силой место придает телу вид и форму, определяя их поверхностью и границей. Эти характеристики места отражают его качественную определенность, которая в большей мере характерна для мифологического восприятия пространства.

Как мы уже отмечали в отношении существования места, не существует места как чего-то особого наряду с телами, оно существует отдельным от них образом, как некий организующий принцип. Место при этом не есть ни элемент, ни причина (не материя, не форма – они неотделимы от предмета; не цель и не причина движения), ни существующая вещь, а является «границей объемлющего тела <поскольку оно соприкасается с объемлемым>» [1, с. 132].

Предметы могут занимать место в возможности и в действительности. Непрерывное в своих частях тело занимает место в возможности, а то тело, чьи части «отделены и касаются друг друга» - в действительности.

Место занимает только тело, способное к движению, будучи ограниченным границей места, которую возможно увидеть изменяющейся, а тело - перемещающимся. В движении, перемещении каждое тело устремляется к своему собственному месту. Тело остается по природе в свойственном ему месте.

Существенными для нашего рассмотрения являются такие характеристики места, данные ему Аристотелем, как автономное существование от тела, обуславливающее его существование, наделяющее его видом и формой, а так же обладание силой для организации тела. Место есть граница тела, одновременно являющаяся вместилищем силовых возможностей тел. Тело обретает свое собственное место, то, которое свойственно ему по природе и именно находясь в этом месте, из этого места оно заявляет о себе.

Мифологическое сознание не знало, не знает и не может знать тела без соответствующего ему места. В некотором смысле возможно место без тела, но тело без места невозможно. Тот способ, каким место при помощи напряженности силы вы-, об- и со-ставляет пространство, раскрывает бытие мира мифа. Миф не апеллирует к трансцендентным понятиям, наделенным большой обобщающей способностью. Миф пользуется для своих описаний словами и понятиями самыми близкими к нам, непосредственно относящимися к расположению вещей в пространстве, исходя из занимаемого ими места. Сакральное и священное в ритуалах мифа может быть только реальным, вещественным: высшим значением возможно наделить только ту вещь, с которой мы имеем дело, материальный предмет, который мы понимаем. Вообще, понять – значит поместить понимаемое нечто в свой жизненный мир, в то место и пространство, которые случились с нами здесь и теперь. Здесь и проявляется качественная характеристика мифа, его определенность с точки зрения непрерывности. Место «делает» сущее, задает силовые линии, энергию и динамику.

Топос мифа указывает на то, что у всякого мифа есть совершенно определенное, вот «это вот» (на него можно указать) место его развертывания, конкретное пространство, известное всякому, кто посвящен в знание этого мифа. Сказывающееся и являющееся место образуется в пространстве напряженности силовых линий и полей, которая дает сакральное, священное, мистическое значение вещам мифа. Это место и это пространство по природе свойственно мифу. Вспомним еще раз выше описанную ситуацию из «Федра» Платона.

Миф задает знаковое поле, как если бы всякое его событие, всякий герой и всякая вещь были бы уже знакомыми, известными, а таковыми они могут быть, только если принадлежат тому месту, где разворачивается мифический рассказ, история, сюжет. «Места и направления в пространстве разделены между собой, так как и поскольку с ними связывается различный смысловой акцент» [7, с. 148]. Пространство в мифах разграничено в соответствии с сюжетными и смысловыми линиями, наделяющими каждый элемент мира собственной историей. Только когда все элементы мифа знакомы сознанию, не чужды тому месту, в котором миф рассказывается, он будет признан и будет иметь успех в качестве объединяющего коллектив сознания, единых представлений.

Когда в мифе «все полно богов» - это не абстрактное «все», протягивающееся в бесконечность, но совершенно определенное «все», только то, которое я знаю, вижу, чувствую, включенное в мой опыт, или скорее, составляющее мой опыт. Такая точка зрения, конечно, не была характерна для мифического сознания, поскольку его собственный опыт был тождественен для него опыту вообще и знакомое ему место было для него местом самим по себе, всем возможным местом. Например, в греческой традиции «теменос» в узком смысле – район храма, в более широком – определенное, выделенное границами и священное место, в котором присутствует божество, или всякое место, в котором живет бог или где постоянно находится и возобновляется архэ [7, с. 144]. В этой иллюстрации как характеристике определенного места в греческой мифической традиции налицо черты места, которые мы выделили с помощью текста Аристотеля.

Ограниченное пространственно, отличное от тела (или бога, у которого в мифе всегда есть тело), организованное собранностью в пучок сил (они наделяют место священным значением) – вот место мифа. Сам ландшафт в мифе может быть населен нуминозными существами, он может и быть этим нуминозным существом – нередко имеющая место персонификация места. Притом место в мифе не только наделено некоей силой, но и управляется силой, божественным содержанием, только ему свойственным. Скажем яснее: есть некоторое количество божественных сфер, подчиненных различным богам и отграниченных друг от друга. Места для обладания священным статусом должны быть одновременно и уникальными, единственными в своем роде, точками сборки сакрального смысла, архезначимыми. В то же самое время, «мифические субстанции» как «нуминозные индивидуумы» могут находиться и во множестве мест одновременно, не утрачивая при этом своей идентичности [7, с. 149]. Священное значение, как один из основных моментов мифа, в понятии М. Элиаде, позволяет предмету превращаться в нечто иное и в то же самое время этот предмет остается самим собой, предметом

окружающего космического пространства (мирского, на контрасте с понятием которого автор вводит понятие священного) [9, с. 19].

Здесь возможна и обратная ситуация. Что бы ни сообщалось, ни рассказывалось в мифе, оно будет принято за свойственное знакомому месту. С мифом устанавливаются доверительные отношения. Это выход к превращающемуся во времени существованию мифа.

Мы пытались обозначить введение в топологию мифа. Это оказалось возможным исходя из различения качественных и количественных характеристик места, первые из которых как раз и выступают определяющими по отношению к топосу мифа. Топологическое пространство в математике состоит из элементов любой природы, их объединяет лишь собственно принадлежность к пространству (это же характерно и для мифа). Качественная, в отличие от количественной, определенность места основывается на том, что качество отвечает на вопрос «какое?», им именуется то, благодаря чему предметы называются такими-то. Именно качественные характеристики места говорят о стремлении познания происхождения мира, его природы, что как раз отражается в мифах. В размышлениях Аристотеля присутствуют еще основы, рудименты мифологического отношения к месту, топического. Само место обладает силой, организуя определенным образом, или дезорганизуя находящееся в нем тело. Количеству (которое отвечает на вопрос “сколько?”) Аристотель приписывал ипостаси «множества» и «величины», «равенства» либо «неравенства». Количественные характеристики работают с неблизким, расчлененным согласно схеме на составные элементы.

Мифы и сейчас разворачиваются не в абстрактном пространстве идей и размышлений, трансцендентных вещей и понятий, но в совершенно определенном, конкретном, именно этом, делающим всякое событие и вещь мифа реальной, действительной, материальной.

Место мифа есть качественное определение мира мифа (в отличие от количественного, дробящего мир согласно измерительным единицам), как совокупности вещей и событий, оно задает топологию мифа. Такое место мифа не внешне и внеположено ему самому, но имманентно мифу, качественным образом осуществляет сущее в нем.

Сведения об авторе: Шалаева Анастасия Владимировна, философский факультет СПбГУ, студентка.

Литература

1. *Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т.3. М.: Мысль, 1981*
2. *Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007*
3. *Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: «Аграф», 2002*
4. *Мамардашвили М.К. Появление философии на фоне мифа. // Необходимость себя. М.: "Лабиринт", 1996*
5. *Платон. Диалоги. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009*
6. *Стюарт Я. Топология // Квант. 1992. № 7. С. 14-20.*
7. *Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996*
8. *Шеллинг Ф.В.Й. Введение в философию мифологии// Сочинения в 2 т.: Т. 2/ Сост., ред. А.В.Гулыга; Прим. М.И.Левиной и А.В.Михайлова. М.: Мысль, 1989*
9. *Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994*